

*Michelle de
Ville*

*Черновик
счастья*

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Michelle Ville

Черновик счастья

<https://litres.ru/74071103>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — Сергей Горский. Холодный, жёсткий, хозяин архитектурной империи. Его жена ушла, оставив с полуторагодовалым сыном Лешкой. С тех пор он закрылся ото всех. Он умеет только строить. Стекло и бетон. Он не ошибался никогда. До того дня, когда она вошла в его кабинет.

Она — Стефания Ветрова. Лучшая выпускница, коньячные глаза, веснушки и улыбка. Безумная, светлая, слишком живая. Она пришла на собеседование архитектором. Она не знала, что ей предстоит строить не только здания.

Он называет её «бусинка». Сначала — насмешка. Потом — нежность. Между ними — стена из стекла. Но Стеша привыкла разбивать стены.

И ещё Лешка. Маленький мальчик, который слишком быстро привязывается к той, кто приносит в их дом свет.

Но прошлое не отпускает. Бывшая жена возвращается. И Сергей понимает: строить небоскрёбы легче, чем учиться любить.

Смогут ли они переписать свой черновик счастья в чистовик?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	38

Michelle de Ville

Черновик счастья

Глава 1

Он строит империю из стекла и бетона. Она строит жизнь — из улыбок, упрямства и тепла.

Сергей Горский не умеет любить. Он умеет только контролировать. После того как жена бросила его с полуторагодовалым сыном, он закрылся ото всех. От всех, кроме маленького Лешки, который всё ещё верит в папу.

Стеша пришла на собеседование архитектором. Она не знала, что ей придётся проектировать не здания, а семью. Что она станет той, кто разбудит его, заставит чувствовать и научит дышать заново.

«Черновик счастья» — история о том, как сложно переписать свою жизнь. И о том, что иногда для этого достаточно одного человека, который не боится твоего холода.

Пролог

Сергей.

Я ненавижу этот день.

Шесть часов утра. В доме тишина — та самая, которая да-

вит на уши сильнее любого крика. Я стою у окна в своём кабинете, смотрю на город, который просыпается внизу, и чувствую только пустоту. Стекло холодное. Я прижимаю к нему ладонь — на секунду становится легче. Только на секунду.

За спиной — тихий звук. Маленькие ножки шлёпают по паркету. Я не оборачиваюсь. Я уже знаю, кто это.

— Папа...

Голос Лешки — сонный, тягучий, почти неслышный. Ему полтора года, но он уже научился находить меня. Всегда. В любое время дня и ночи. Он тычется лицом в мою ногу, обхватывает её руками — такими маленькими, что я боюсь дышать. Если я сделаю резкое движение — он упадёт. Или я сломаю его. Я боюсь ломать.

Я опускаюсь на корточки. Смотрю на него. Светлые волосы, мятные глаза — мои глаза. Он смотрит на меня снизу вверх и улыбается. Беззубой, мокрой улыбкой, от которой у меня внутри всё переворачивается.

— Лешка, — говорю я. Голос звучит глухо. Я не умею говорить мягко. Я вообще не умею говорить. Только приказывать. — Ты почему не спишь?

— Скучно, — он лепечет что-то ещё, но я не разбираю слов. Он же маленький. Он не умеет говорить по-взрослому. Но я понимаю. Я всегда понимаю.

Я беру его на руки. Он лёгкий — слишком лёгкий. Я поднимаю его, прижимаю к себе, и он утыкается носом в мою шею. Пахнет детским кремом, сном и чем-то ещё — тем, что

я не умею называть. Наверное, доверием. Я не знаю, что с ним делать. Я никогда не знал.

Я ношу его по комнате. Он засыпает у меня на руках через пять минут. Я кладу его в кроватку, поправляю одеяло, долго смотрю на его лицо. Он спит — безмятежно, как будто мир не рухнул в тот день, когда его мать ушла.

А она ушла.

Полгода назад.

Оставила нас обоих. Сказала, что не справляется. Сказала, что я слишком холодный. Сказала, что она не хотела этого ребёнка. Я тогда не ударил её. Не закричал. Не остановил. Я просто смотрел, как она собирает вещи. Как уходит. Как закрывает за собой дверь.

Лешка тогда ещё не умел сидеть.

Я не плакал. Я вообще не плачу. Я — Сергей Горский. У меня империя. Сотни сотрудников. Миллиардные контракты. Я могу купить всё. Я могу разрушить всё. Но я не могу заставить маленького человека заснуть по-человечески. Я не могу быть мягким. Я не могу быть тёплым. Я не умею.

Я сажусь в кресло у его кроватки. Смотрю на него. Он спит.

Я сижу так до утра.

Стефания.

Я люблю этот день.

Семь часов утра. Солнце только-только выползает из-за крыш, но оно уже такое яркое, что хочется щуриться. Я стою

перед зеркалом в своей маленькой квартире, кручусь, разглядывая себя, и улыбаюсь. Сегодня я иду на собеседование. В самую большую архитектурную компанию города. В ту самую, где мои проекты, говорят, рассматривали всерьёз. Хотя я не верю в это. Ну, может, чуть-чуть верю. Но только чуть-чуть.

Волосы — ниже лопаток, русые, чуть выются на концах. Я собираю их в небрежный пучок — выпускаю несколько прядей, чтобы не выглядело слишком строго. Поправляю очки — они вечно сползают с носа. Надеваю платье — простое, но элегантное. И босоножки.

Я поворачиваюсь к зеркалу. Карие глаза — коньячного оттенка, как говорит мама. Веснушки на носу — их много, они появляются, даже когда нет солнца. Я не прячу их. Они — часть меня. Как мой рост. Сто пятьдесят сантиметров. Я смотрю на себя и улыбаюсь.

— Ты справишься, Стеша, — говорю я отражению. — Ты лучшая. Они это знают.

Отражение улыбается в ответ.

Я выхожу из дома. Город просыпается. Где-то сигналият машины, где-то кричат птицы, где-то пахнет кофе. Я люблю запах кофе. Я люблю этот город. Я люблю этот день.

У входа в небоскрёб «Горский-Дом» я на секунду замираю. Высокое здание из стекла и бетона, как будто опирается на небо. Я смотрю вверх и чувствую, как внутри разливается что-то тёплое. Не страх. Предвкушение.

— Это только начало, — шепчу я. — Ты сделаешь всё. Ты сможешь.

Я вхожу внутрь.

Приёмная на последнем этаже. Светлая, просторная, в ней пахнет дорогим парфюмом и кофе. Секретарь — строгая женщина лет сорока — окидывает меня взглядом. Я улыбаюсь ей.

— Стефания Ветрова. Я на собеседование.

— Минуту, — она нажимает кнопку, что-то говорит в трубку. Потом поднимает глаза. — Проходите. Он ждёт.

Я делаю шаг вперёд.

Дверь открывается. Я вхожу.

В кабинете — полумрак. Тяжёлые шторы, огромный стол из тёмного дерева, и он — за этим столом. Сергей Горский.

Он поднимает голову.

Мятные глаза смотрят на меня. Холодно. Оценивающе. Как будто он уже решил, что я не гожусь. Или что я — очередная игрушка.

Я не отвожу взгляд. Я улыбаюсь.

— Здравствуйте, Сергей, — говорю я. — Я Стефания Ветрова. Я пришла изменить ваш мир.

Он усмехается. Криво. Устало. И не отводит взгляд.

Глава 2

Глава 1. Бусинка

Стефания

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Я влетела в стеклянные двери офисного центра «Горский-дом» за три минуты до начала собеседования, и это был мой личный рекорд по скорости передвижения на каблуках. Пятьдесят шестой этаж. Лифт. Где здесь, мать вашу, лифт?

Волосы растрепались, очки съехали набок, в руках — папка с проектами, которая пыталась жить своей жизнью и рассыпаться по всему холлу. Я вдохнула, выдохнула и сделала шаг вперёд.

И тут что-то маленькое, тёплое и светловолосое врезалось мне прямо в колени.

— Ой!

Я чуть не упала, но инстинктивно присела, схватив ребёнка за плечи. Мальчик. Полтора года, может, чуть больше. Светлые волосы, огромные зелёные глаза — такого мятного оттенка, что я замерла на секунду. Он смотрел на меня снизу вверх, хлопал ресницами и... улыбался.

— Ты кто? — спросила я шёпотом.

— Ааа! — радостно сообщил он и ткнул пальцем мне в очки.

Я рассмеялась. Ну серьёзно? В этом безумном мире, где

я опаздываю на собеседование всей моей жизни, где вчера я почти не спала, доделывая 3D-визуализацию, где мои волосы ведут себя как стая диких птиц — этот карапуз просто ткнул меня в нос и улыбнулся, как будто мы старые друзья.

За его спиной я заметила перепуганную женщину в униформе няни. Она что-то кричала, но малыш уже обхватил мою шею пухлыми ручками и прижался щекой к моему плечу.

— Лешенька! — няня чуть не плакала. — Простите, он вырвался, я только на секунду отвернулась...

— Ничего страшного, — я погладила мальчика по спине, чувствуя, как он сопит мне в шею. Такой маленький. Такой доверчивый. И вдруг я поняла, что стою на нижней ступеньке широкой мраморной лестницы. Ещё шаг — и он бы упал. Упал с этой красоты, которая стояла, наверное, как моя годовая стипендия.

— Леша, — раздался голос.

Низкий. Холодный. Такой, от которого у меня внутри всё сжалось, потому что я *почувствовала* его раньше, чем увидела.

Я подняла голову.

Он стоял в проёме лифта. Тёмный костюм, идеально сидящий на широких плечах. Тёмные волосы, уложенные так, будто он только что вышел с обложки журнала, а не спустился с пятидесят шестого этажа в обычный вторник. Рост — я даже не представляла, насколько он выше меня. Наверное,

метр восемьдесят пять, не меньше.

И глаза.

Зелёные.

Мятные.

Точно такие же, как у мальчика у меня на руках.

Он смотрел на нас. На меня. На сына. Молча. И в этом молчании было столько тяжести, что я на секунду забыла, как дышать.

Я машинально поправила очки. Глупо, да? Будто очки могли спасти от этого взгляда.

Мальчик на моих руках заерзал, услышав голос отца, повернул голову и заулыбался ещё шире:

— Папа!

Идиллия? Нет. Лицо Сергея Горского — главы «Горский-дом», человека, чьё имя в архитектурном мире производило с трепетом и страхом — осталось каменным. Он шагнул вперёд. Один шаг. Второй. Его ботинки стучали по мрамору так отчётливо, что казалось — это биение моего сердца, только в сто раз громче.

Он остановился прямо передо мной. Навис. Я чувствовала его запах — дорогой парфюм, кожа, кофе. И холод. От него веяло таким холодом, что я поёжилась, но мальчика не отпустила. Он же держался за меня! Не могла же я просто передать его обратно няне, когда он так доверчиво прижимался?

— Кто ты? — спросил Сергей.

Голос ледяной. Без эмоций. Но я видела, как дёрнулся его кадык, когда он перевёл взгляд с сына на меня.

Я открыла рот, чтобы ответить. Представиться. Сказать, что я Стефания Ветрова, что у меня собеседование, что я лучшая выпускница Архитектурного, что мои проекты уже строят в городе, что я могу доказать...

Но он не дал мне сказать ни слова.

— Убирайся, — отрезал он.

И сделал шаг ко мне. Протянул руку, чтобы забрать сына, и я увидела его пальцы — длинные, сильные. И где-то на безымянном пальце — тонкий шрам.

Я прижала Лёшу крепче. Сама не знаю, зачем. Может, от испуга. А может, потому что этот маленький человек выбрал меня на пару минут, и я не могла предать его доверие.

— Я не собираюсь убираться, — сказала я.

И голос мой прозвучал слишком громко в этом стерильном холле. Слишком смело. Слишком по-дурацки.

Сергей замер. Его глаза сузились. Он смотрел на меня так, будто я только что сказала ему, что его корпорация — это фуфло, а его проекты — детский лепет.

— Простите, — вмешалась няня, пытаясь забрать ребёнка. — Лешенька, иди к нам...

Но мальчик отвернулся от неё и спрятал лицо у меня на плече. Он что-то лопотал, вцепившись в мой воротник, и я чувствовала, как его маленькие пальцы сжимают ткань.

Я посмотрела на Сергея снизу вверх.

Он смотрел на меня сверху вниз.

И в его мятных глазах промелькнуло что-то такое, чего я не ожидала. Растерянность? Нет. Скорее... любопытство. Он смотрел на эту сцену — его сын обнимает незнакомку, его сын смеётся, его сын не хочет уходить. И Горский не знал, что с этим делать.

— Я на собеседование, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Стефания Ветрова. Ваш новый архитектор. Если вы, конечно, не передумали после того, как я спасла вашего сына от падения с лестницы.

Я улыбнулась.

Самой солнечной улыбкой, на которую была способна. Потому что в этой ситуации был только один выход — либо улыбаться, либо плакать. А я никогда не плакала перед чужими людьми.

Сергей смотрел на меня ещё долго. Секунду. Две. Пять.

Потом он повернулся к няне и сказал коротко:

— Забери его.

Няня подхватила Лёшу, который наконец-то отпустил меня, но продолжал тянуть ко мне ручонки и кричать что-то по-своему, по-детски, восторженное.

— Она останется, — сказал Сергей, не глядя на меня.

Я не поняла.

— Что?

— Собеседование, — он перевёл на меня ледяной взгляд.

— Пять минут. Если опоздаешь хоть на секунду — выле-

тишь.

Он развернулся и пошёл к лифту, даже не оглянувшись.

А я стояла посреди холла, с растрёпанными волосами, съехавшими очками, с папкой, из которой уже выпали два листа, и чувствовала, как бешено колотится сердце.

Я посмотрела на лифт. На табло над дверями. Чёрт. Шестьдесят секунд до закрытия дверей.

Я побежала.

И на ходу думала только об одном: *«Боже, у него глаза цвета мяты. И сын — его копия. И он назвал меня никем. Но я докажу... Я обязательно докажу».*

Я влетела в кабинет ровно за секунду до того, как часы на стене показали назначенное время. Запыхавшаяся, растрёпанная, с папкой, которую я прижимала к груди как щит.

— Простите, я... — начала я и осеклась.

За огромным стеклянным столом сидел ОН.

Тот самый мужчина из холла. Тот, который смотрел на меня так, будто я была мусором на его идеально начищенном полу. Тот, чьего сына я держала на руках.

Сергей Горский.

Глава «Горский-дом».

Мой будущий начальник.

Он даже не поднял головы, когда я вошла. Сидел, уткнувшись в планшет, и его длинные пальцы с тонким шрамом на безымянном скользили по экрану. Тёмный пиджак висел на спинке кресла, рукава белой рубашки закатаны до локтей,

открывая сильные предплечья с тёмными венами. Идеальная причёска ни на миллиметр не сдвинулась. Чёрт, да он даже не вспотел, пока я тут летала по холлам как ураган.

— Садись, — сказал он, не поднимая глаз.

Я села. На краешек стула, выпрямив спину. Очки снова съехали, и я поправила их дрожащими пальцами.

Тишина. Он молчал целую минуту. Может, две. Я чувствовала, как пот стекает по позвоночнику, как сердце колотится где-то в горле. Папка с проектами казалась тяжёлой, как кирпич.

Наконец он поднял голову.

Его мятные глаза смотрели на меня без эмоций. Ни тепла, ни интереса. Только лёд.

— Стефания Ветрова, — прочитал он с планшета, и моя фамилия прозвучала как приговор. — Двадцать три года. Красный диплом. Твои проекты... — он сделал паузу, и я увидела, как дёрнулся его кадык, — строятся в городе. Ты, видимо, считаешь себя гением.

Я сглотнула. Это был не вопрос. Это был удар.

— Я считаю, что у меня есть хорошие идеи, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Идеи, — он усмехнулся. Усмехнулся так, что мне захотелось провалиться сквозь землю. — В моей компании не нужны идеи. Нужны результаты. Ты можешь начертить план за два часа?

— Если нужно — да.

— Ты можешь переделать проект за ночь, потому что заказчик передумал?

— Да.

— Ты готова терпеть мои приказы, не задавая вопросов, и делать то, что я скажу, даже если это будет унинительно?

Я замялась на секунду. И он это заметил.

— Я готова работать, — сказала я твёрже. — Я не боюсь трудностей.

Он откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди. Смотрел на меня сверху вниз, и я чувствовала себя маленькой. Смешной. Нелепой со своими веснушками, очками и растрёпанными волосами.

— Значит, ты не боишься, — повторил он. — А должна бояться.

Я выдержала его взгляд. Медленно вдохнула. И сделала то, чего он точно не ожидал.

Я встала.

Подошла к его столу, положила папку на стеклянную поверхность и раскрыла её. Эскизы, чертежи, 3D-модели. Моя гордость. Моя жизнь. Мои ночи без сна.

— Вот, — сказала я, водя пальцем по линиям. — Это жилой комплекс «Небо». Я разработала концепцию парковки с зелёной крышей. Это снижает тепловой эффект на сорок процентов. Здесь — фасад с динамической подсветкой, которая меняет цвет в зависимости от времени суток. Здесь — проект реконструкции набережной, которую ваша компания

выиграла в тендере, но до сих пор не начала.

Я подняла на него глаза.

— Я сделала это за две недели. Одна. Без команды. Если вы сомневаетесь в моих способностях — посмотрите. Это не просто идеи. Это готовые решения.

Тишина.

Он смотрел на мои чертежи. Долго. Внимательно. Я видела, как его глаза скользят по линиям, как его палец касается одного из углов, и я вздрогнула — он указал на ошибку. Маленькую. На миллиметр.

— Здесь неверный угол, — сказал он тихо. — Крыша будет проседать.

Я наклонилась, взгляделась, и сердце ухнуло вниз. Он был прав. Чёрт, он был прав.

— Это... это поправимо, — выдавила я.

— Поправимо, — повторил он, и его губы снова изогнулись в усмешке. — Ты ошиблась на два градуса, Ветрова. Два градуса. В моей компании за такое увольняют.

Я почувствовала, как к горлу подступают слёзы. Но я заставила себя улыбнуться. Улыбнуться своей самой солнечной улыбкой, хотя внутри всё рушилось.

— Тогда увольте меня, — сказала я. — Но сначала посмотрите на остальные проекты. Я ошибаюсь, но я учусь. И я не сдаюсь.

Он посмотрел на меня так, будто я только что ударила его. На лице — ни тени эмоций. Но я заметила, как его паль-

цы сжались в кулак. Всего на секунду. А потом он медленно закрыл мою папку и отодвинул её на край стола.

— Свободна, — сказал он. — Жди звонка.

Я не поняла.

— Что?

— Ты слышала. Собеседование окончено. Если я решу, что ты мне нужна, — позвоню.

Он перевёл взгляд на планшет и больше не смотрел на меня.

Я стояла, чувствуя себя раздавленной. Пять минут. Всё собеседование заняло пять минут. Он даже не дал мне шанса. Я собрала папку, дрожащими руками застегнула её и направилась к двери.

— Ветрова.

Я обернулась.

Он смотрел на меня поверх планшета. И в его мятных глазах я увидела что-то новое. Что-то тёмное. Опасное.

— Ты спасла моего сына, — сказал он. — Но это не значит, что я буду к тебе снисходителен. Если ты окажешься в моей команде — я сломаю тебя. Я заставлю тебя плакать. Я заставлю тебя сожалеть о том, что ты пришла в «Горский-дом». Ты готова к этому?

Я сглотнула.

— Я готова ко всему, — ответила я.

Он усмехнулся и махнул рукой, отпуская меня.

Я вышла из кабинета, прислонилась спиной к холодной

стене и почувствовала, как слёзы наконец-то подступили к глазам. Но я не дала им упасть. Я сжала челюсть, вдохнула и пошла к лифту.

Провал. Полный провал.

Я ехала в метро, слушая, как грохочут колёса, и думала, что это была самая страшная встреча в моей жизни. Он ненавидел меня. С первой секунды. И ничего не могло это изменить.

Через час, когда я уже сидела в своей крошечной квартире и пила чай, заливая горечь, раздался звонок.

Незнакомый номер.

Я взяла трубку.

— Стефания Ветрова? — женский голос, сухой и официальный. — Отдел кадров «Горский-дом». Вы приняты на должность личного помощника Сергея Горского. Завтра в восемь утра. Не опаздывайте.

Я выронила телефон.

Личного помощника.

Не архитектора. Помощника.

Я смотрела на чёрный экран и не верила своим ушам. А потом до меня дошло.

Он не хотел меня видеть в своей команде. Он хотел держать меня рядом. Под контролем. В клетке.

Это была его месть.

Его игра.

А я только что сказала ему, что готова ко всему.

— Дура, — прошептала я своему отражению в тёмном окне. — Какая же ты дура, Стеша.

Но в груди зажглось что-то тёплое. Злое. Упрямое.

Хорошо, Сергей Горский. Ты объявил войну. Я принимаю вызов.

Восемь утра. Я стояла перед стеклянными дверями «Горский-дом» и чувствовала себя приговорённой, которую ведут на казнь.

Платье — строгое, чёрное, до колена. Волосы — в небрежном пучке, из которого то и дело выбивались непослушные пряди, падая на лицо. Очки — на месте. На ногах — простые белые кеды. Я знала, что выгляжу странно для офиса такого уровня, но каблуки я ненавидела всей душой, а для беготни по этажам кеды — лучшее решение. И если Сергею Владимировичу это не понравится — тем хуже для него.

Ресепшен встретил меня стерильной улыбкой. Меня проводили на пятьдесят шестой этаж, в крыло, где находился кабинет Сергея Горского. И уже у дверей меня ждал сюрприз.

— Стефания Ветрова? — сухой голос. Женщина лет пятидесяти в идеальном костюме, с высокой причёской и взглядом, который мог остановить танк. — Я — Лидия Павловна, ваш куратор на период стажировки. Сергей Владимирович не терпит опозданий, не терпит ошибок и не терпит глупых вопросов. Ясно?

— Ясно, — кивнула я.

Она окинула меня взглядом с ног до головы. И я увидела,

как её глаза остановились на моих кедах. Брови поползли вверх.

— Это... — начала она.

— Это удобно, — перебила я с самой вежливой улыбкой. — Я буду много бегать. Сергей Владимирович не говорил о дресс-коде для помощников.

Лидия Павловна сжала губы, но промолчала.

— Ваше рабочее место — здесь.

Она указала на маленький столик, стоящий прямо перед дверями кабинета Горского. Стол, стул, компьютер, телефон. И никаких личных вещей. Даже цветка.

— Вы — лицо его приёмной, — продолжила она. — Вы встречаете гостей, отвечаете на звонки, записываете на встречи, носите кофе. Это всё, что от вас требуется.

Я сглотнула.

Носить кофе. Я — лучшая выпускница Архитектурного, чьи проекты строятся в городе. И я буду носить кофе.

— А мои проекты? — спросила я тихо. — Сергей Владимирович говорил...

— Сергей Владимирович ничего не говорил, — перебила меня Лидия Павловна. — Он приказал мне научить вас держать язык за зубами. Приступайте. Через десять минут у него встреча с инвесторами. Приготовьте кофе. Чёрный, без сахара, только зёрна из левого верхнего ящика, вода строго девяносто градусов. Поняли?

Я кивнула, хотя внутри всё кипело.

Чёрный кофе. Девяносто градусов. Левый верхний ящик.

Я нашла кофемашину, нашла зёрна, сварила кофе. Руки дрожали. Когда я зашла в кабинет с чашкой, Сергей Владимирович стоял у панорамного окна, глядя на город. Тёмный костюм, идеальная осанка. Запах дорогого парфюма и кожи уже не казался мне приятным — он душил.

— Кофе, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он не обернулся. Просто протянул руку. Я поставила чашку в его пальцы, и наши пальцы почти коснулись. Он забрал чашку, поднёс к губам, сделал глоток. И замер.

Я поняла, что сделала ошибку, ещё до того, как он повернулся.

— Что это? — спросил он тихо. Слишком тихо.

— Кофе, — ответила я, чувствуя, как сердце ухнуло.

— Кофе, — повторил он. — Ты положила сахар.

Я замерла.

— Я... я подумала, что раз вы вчера пили капучино в холле, то...

— Ты не должна думать, — отрезал он. — Ты должна делать то, что тебе говорят. Я сказал чёрный. Без сахара.

Он поставил чашку на стол и посмотрел на меня. И я увидела в его глазах холодное удовольствие. Ему нравилось это. Нравилось видеть, как я стою тут, с опущенными руками, и чувствую себя ничтожеством.

— Переделай, — сказал он. — И запомни: в этой компании ты не архитектор. Ты — моя тень. Ты делаешь то, что я

говорю. Ты молчишь, когда я молчу. Ты исчезаешь, когда я приказываю. Ты поняла?

Я сжала зубы так сильно, что почувствовала вкус крови.

— Поняла, — выдавила я.

— Иди.

Я вышла. Сварила новый кофе. Принесла. Он взял чашку, даже не глядя на меня, и махнул рукой — выметайся.

Так прошёл первый час. Второй. Третий.

Инвесторы, звонки, встречи, какие-то бумаги, которые нужно было распечатать, подписать, перепечатать, переподписать. Я летала по этажам, как загнанная лошадь. Он не давал мне передышки. Он давал мне задания, которые заканчивались через минуту, и тут же кидал новые, словно проверяя, насколько быстро я ломаюсь.

К обеду я носила уже двенадцатую чашку кофе. Кеды спасали меня — я могла бегать по этажам, не боясь сломать каблуки. Но всё остальное болело: ноги, голова, душа. Я ненавидела Сергея Владимировича всеми фибрами своего существа.

Но потом случилось странное.

Он вызвал меня в кабинет и сказал:

— Через час у меня встреча в ресторане. Найди мой пиджак. Тёмно-синий, «Бриони». Он в шкафу.

Я кивнула и пошла к шкафу. Открыла дверцу. Пиджак висел на плечиках, высоко-высоко, и я потянулась к нему, встав на цыпочки. Выбившаяся прядь волос упала на глаза,

Я сдула её и снова потянулась.

— Достань, — нетерпеливо бросил он. — Быстрее.

— Я достаю! — огрызнулась я, не удержавшись.

Я подпрыгнула, схватила плечики, но пиджак соскользнул и упал на пол. Я поймала его в последний момент, но пошатнулась и чуть не грохнулась на пятую точку. И замерла, чувствуя себя полной идиоткой, с пиджаком в руках, который чуть не уронила.

Сергей Владимирович смотрел на меня. Стоял в трёх шагах и смотрел. Его взгляд скользнул по моему небрежному пучку, по выбившимся прядям, по кедам, по раскрасневшемуся лицу. И вдруг... его губы дёрнулись.

Я решила, что мне показалось. Но нет. Он усмехнулся. Не зло, не насмешливо. А как-то... иначе.

— Господи, ты маленькая, — сказал он тихо, почти себе под нос. — Бусинка.

Я замерла.

— Что? — переспросила я.

Он моргнул. В его глазах промелькнуло замешательство — словно он сам не понял, что только что сказал. Но через секунду холод снова опустился на его лицо, как маска.

— Ничего, — отрезал он. — Иди. И больше не падай. Мне не нужны травмы на рабочем месте.

Я вышла из кабинета с пиджаком в руках и чувствовала, как горят щёки.

Бусинка.

Он назвал меня бусинкой.

Я стояла у своего стола и смотрела на закрытую дверь его кабинета, и внутри меня боролись два чувства. Первое — бешенство. Как он смеет называть меня так унижительно, будто я маленькая и беспомощная? И второе — странное, тёплое, которое я не хотела признавать: что-то дрогнуло у меня в груди, когда я услышала это слово.

— Ненавижу его, — прошептала я. — Ненавижу.

Но почему-то губы сами растянулись в улыбку.

А через минуту дверь кабинета открылась, и он вышел. В тёмно-синем пиджаке, который я держала в руках. Он молча забрал его, надел, прошёл мимо меня, но у самой двери остановился.

— Ветрова.

Я вскинула голову.

— Да?

Он не обернулся.

— Кофе. С завтрашнего дня — без сахара. И больше не прыгай за пиджаком. У меня стремянка в подсобке. Бусинка.

И он вышел.

Я стояла, открыв рот.

Он сделал это специально. Назвал меня бусинкой второй раз. Нарочно. Чтобы я поняла: он запомнил, что сказал. И ему не стыдно.

Я сжала кулаки и прошептала:

— Бусинка? Да я тебе, Сергей Владимирович, такого вет-

ра устрою, что ты свою «Горский-дом» не узнаешь!

Но внутри разливалось что-то липкое и тёплое.

Чёрт. Кажется, эта война только начинается.

К концу дня я чувствовала себя выжатой как лимон. Глаза слипались, голова гудела, а ноги в кедах всё равно ныли от беготни по этажам. Сергей Владимирович уехал на встречу в ресторан, и я наконец-то выдохнула, упав на стул перед своим столом.

Тишина. Благословенная тишина.

Я закрыла глаза на пару секунд и тут же услышала какой-то шум. Топот. Маленький, быстрый топот.

Я открыла глаза и увидела Лёшку.

Он бежал по коридору, раскинув ручонки в стороны, как самолётик. За ним, тяжело дыша, бежала няня, но мальчик был быстрее. Он влетел в приёмную, остановился у моего стола и посмотрел на меня снизу вверх своими огромными мятными глазами.

— Ты! — заявил он радостно и ткнул пальцем в мои очки.

Я засмеялась.

— Привет, Лёша.

— Лешка! — поправил он серьёзно. — Я Лешка!

— Прости, Лешка, — улыбнулась я. — Ты запомнил меня?

Он кивнул, активно трясая светлой головой, и протянул ко мне руки.

— На ручки!

— Лешенька! — подросла няня, запыхавшаяся и красная. — Нельзя! Ты только что пообедал, у тебя руки в каше, ты испачкаешь тётю...

— Не испачкаю! — возразил Лешка и снова посмотрел на меня с такой мольбой, что у меня сердце растаяло.

— Да ладно, — сказала я няне. — Ничего страшного. Я всё равно уже ухожу.

Я подхватила Лёшку на руки, и он тут же обхватил мою шею пухлыми ручками. От него пахло молоком, детским шампунем и чем-то тёплым, родным. Его светлые волосы щекотали мою щёку, а он что-то лопотал мне в ухо, указывая пальцем в сторону.

— Там! Там! Пойдём!

— Куда? — удивилась я.

— Там! Смотреть!

Няня вздохнула.

— Он про аквариум в холле на первом этаже. Там рыбки. Просится каждый день, но Сергей Владимирович не разрешает...

— Почему? — удивилась я.

Няня замялась.

— Он... ну... он не любит, когда Лешку водят куда-то без его ведома. А сам он занят постоянно.

Я посмотрела на Лёшку. Он смотрел на меня глазами-блюдцами и улыбался, показывая маленькие молочные зубки.

— А если мы просто на пять минут? — спросила я. — Пока Сергей Владимирович на встрече?

Няня испуганно замахала руками.

— Что вы! Он убьёт меня! Если узнает...

— А он не узнает, — шепнула я. — Я быстренько. Пять минут — и назад. Он ещё не вернулся.

Лёшка, услышав, что я согласилась, издал радостный писк и захолопал в ладоши.

— Рыбки! Рыбки!

Я посмотрела на няню, которая стояла с открытым ртом и явно не знала, что делать. И я решила за неё.

— Я беру на себя ответственность, — сказала я. — Если Сергей Владимирович спросит — скажите, что я сама утщила ребёнка. Хорошо?

Няня обречённо вздохнула.

— Девочка, вас уволят.

— Уволят — значит, уволят, — усмехнулась я. — Но я не могу смотреть на эти глаза и говорить «нет».

Я посадила Лёшку поудобнее на бедро и пошла к лифту.

— Ветрова, — раздался голос за спиной.

Я замерла. Медленно обернулась.

В дверях кабинета стоял Сергей Владимирович.

Тёмно-синий пиджак он уже снял, рубашка расстёгнута на верхнюю пуговицу, галстук ослаблен. Он выглядел уставшим, но взгляд его был острым, как бритва. Он смотрел на меня. На Лёшку у меня на руках.

— Я думал, ты уже ушла, — сказал он тихо.

— Я... я собиралась, — выдавила я. — Но Лёша...

— Лешка, — поправил мальчик на моих руках и серьёзно посмотрел на отца. — Я Лешка!

Сергей перевёл взгляд на сына. И на его лице что-то дрогнуло. Я не могла понять — злость? Усталость? Или что-то ещё?

— Мы хотели посмотреть рыбок, — сказала я быстро. — Всего на пять минут. Он так просил... Я могу взять ответственность на себя.

Сергей молчал. Он смотрел на Лёшку, который прижимался ко мне и показывал отцу пальцем, указывая в сторону лифта.

— Рыбки, папа! — крикнул Лёшка. — Пойдём!

И тогда случилось невероятное.

Сергей Владимирович шагнул к нам. Я напряглась, ожидая, что он вырвет сына из моих рук, прикажет мне убираться, уничтожит меня взглядом. Но он просто остановился рядом и посмотрел на сына. Долго. Внимательно. А потом перевёл взгляд на меня.

— Она не будет носиться с тобой по этажам, — сказал он Лёшке. — У неё работа.

Лёшка надул губы.

— Мама, — сказал он.

Я замерла.

— Что? — переспросила я, не веря своим ушам.

— Мама, — повторил Лёшка и погладил меня по щеке своей маленькой ладошкой. — Моя мама.

У меня перехватило дыхание. Я посмотрела на Сергея. Его лицо окаменело. В мятных глазах промелькнула такая боль, что я на секунду забыла, как дышать. Он сжал челюсть, и на скулах заиграли желваки.

— Он не понимает, что говорит, — сказал Сергей хрипло.
— Он маленький.

— Я знаю, — сказала я тихо. — Я не...

— Отдай его няне, — перебил он. — И иди домой. Завтра в восемь. Не опаздывай.

Он развернулся и ушёл в кабинет, закрыв за собой дверь. Я слышала, как щёлкнул замок.

Я стояла посреди приёмной, прижимая к себе тёплого, доверчивого Лёшку, и чувствовала, как у меня внутри всё переворачивается.

— Мама, — снова сказал Лёшка, глядя на меня своими мятными глазами.

Я прижала его крепче и прошептала:

— Я не мама, малыш. Я просто тётя Стеша.

Но в груди что-то щемило. И я смотрела на закрытую дверь кабинета, за которой остался Сергей Владимирович. Он ушёл, но я видела его лицо. Боль. Такую глубокую, что она не умещалась в его холодных глазах.

Я отнесла Лёшку няне, которая стояла в коридоре и тряслась от страха.

— Он ничего не сказал? — спросила она шёпотом.

— Нет, — ответила я. — Он... он ушёл.

Няня перевела дух.

— Девочка, вы не представляете, как вам повезло. Обычно он за такое увольняет. Мгновенно.

Я посмотрела на закрытую дверь его кабинета и улыбнулась.

— Может, он не такой страшный, каким кажется.

Няня фыркнула, забрала Лёшку и ушла, бормоча что-то о том, что наивные девчонки всегда так думают.

Я вернулась к своему столу, собрала вещи, выключила компьютер. И уже взявшись за дверь, услышала его голос. Тихо. Почти неслышно.

— Ветрова.

Я обернулась.

Он стоял в дверях кабинета, прислонившись плечом к косяку. Без пиджака, без галстука. Смотрел на меня странным взглядом, в котором смешались усталость, злость и что-то ещё. Что-то мягкое, что он пытался спрятать.

— Ты сегодня спасла его от падения, — сказал он. — Ты сегодня носилась с ним как с собственным. Ты сегодня показала ему рыбок. И он назвал тебя мамой.

Он сделал паузу.

— Я не знаю, кто ты на самом деле. Я не знаю, что ты задумала. Но если ты хоть раз причинишь ему боль — я сотру тебя в порошок. Ты поняла?

Я смотрела на него. В его глаза. В его лицо, которое было таким каменным, но таким уязвимым в эту секунду.

— Я не собираюсь причинять ему боль, — сказала я тихо.
— Я просто... я не могу смотреть на детей и быть равнодушной. Это не игра. Это я.

Он молчал.

Я развернулась и пошла к лифту. Но на прощание сказала через плечо:

— Спокойной ночи, Сергей Владимирович. И Лёшке передайте... пусть ему снятся рыбки.

Я не видела его лица. Но когда двери лифта закрылись, я услышала, как он тихо выдохнул. Несколько секунд я стояла в лифте, прижимая к груди папку и чувствуя, как сильно бьётся сердце.

Он был монстром. Он был льдом. Но в нём было что-то ещё. Что-то, что он прятал даже от самого себя.

В холле я остановилась у огромного аквариума. Рыбки плавали за стеклом, разноцветные, беззаботные. Я посмотрела на них, улыбнулась и прошептала:

— Ты запомнил меня, Лёшка. И ты назвал меня мамой.

Я закрыла глаза и почувствовала, как на губах расцветает самая счастливая улыбка за этот бесконечный день.

А на пятьдесят шестом этаже Сергей Горский стоял у панорамного окна, смотрел на городские огни и не мог выкинуть из головы одну картинку: его сын на руках у этой странной девчонки в кедах, с небрежным пучком и дурацкими оч-

ками.

И он снова прошептал:

— Бусинка.

Я вышла из «Горский-дом» и вдохнула вечерний воздух. Город шумел, машины сигналили, где-то играла музыка, но я ничего не слышала. В ушах всё ещё звучал голос Лёшки: «Мама». И его голос — Сергея Владимировича: «Бусинка».

Я усмехнулась, поправила лямку сумки и пошла к метро. Кеды мягко ступали по асфальту, и я чувствовала, как усталость разливается по телу. Но внутри было тепло. Странное, непривычное тепло.

Моя квартира встретила меня тишиной и полумраком. Маленькая студия в старом доме, где скрипел пол и батареи грели через раз. Но это был мой дом. Мой, который я снимала сама, на свои деньги. Без помощи родителей.

Я бросила сумку на пол, скинула кеды у порога и прошла на кухню. Заварила чай, села на подоконник, обхватив кружку ладонями, и уставилась в окно. Фонари зажигались один за другим, город готовился ко сну.

Я взяла телефон.

Пальцы сами набрали номер. Старый, знакомый до боли номер, который я помнила наизусть, даже когда пыталась забыть.

Гудок. Второй. Третий. Сердце колотилось где-то в горле.

— Алло? — голос мамы. Холодный, официальный. Таким голосом разговаривают с незнакомцами.

Я замерла. Слова застряли в горле.

— Мам, привет, это...

— Я знаю, кто это, — перебила мама. — Что тебе нужно,

Стефания?

Я сглотнула.

— Я просто... я сегодня устроилась на работу. В «Горский-дом». Личным помощником Сергея Горского.

Тишина. А потом короткий, сухой смех.

— «Горский-дом»? Сергей Горский? Тот самый, который строит половину города? И ты — его помощница? — мама усмехнулась. — Стефания, ты опять за своё? Пытаешься доказать, что ты что-то из себя представляешь? Прекрати. Ты уже взрослая девочка. Хватит играть в эти игры.

У меня защипало в глазах.

— Я не играю, — сказала я тихо. — Я работаю. Я стараюсь. У меня есть проекты, которые...

— Слушай, — снова перебила мама. — Аврора сегодня поступила в Лондонскую школу бизнеса. Ей восемнадцать, и она уже сделала больше, чем ты за пять лет. Может быть, тебе стоит взять с неё пример?

Я закрыла глаза.

— Я просто хотела рассказать, как у меня день...

— У нас нет времени. У нас ужин с инвесторами. Ты бы могла позвонить завтра. Или вообще не звонить. Ты же выбрала свой путь, Стефания. Ты сама отказалась от фамилии, от денег, от нас. Вот и живи, как хочешь.

— Мама...

— Пока.

Гудки.

Я смотрела на чёрный экран телефона. Смотрела долго, пока буквы не начали расплываться.

И я улыбнулась.

Самой горькой, самой светлой улыбкой, на которую была способна.

— Ну конечно, — прошептала я. — Аврора поступила. Аврора умница. Аврора — надежда семьи. А я... я просто Стефания. Которая сменила фамилию. Которая ушла. Которая никому не нужна.

Я сделала глоток чая и посмотрела на свою папку с проектами. На столе лежали эскизы. Мои эскизы. Мои ночи. Мои слёзы, которые я проливала, когда никто не видел.

Я взяла телефон снова. Нашла в контактах номер, который сохранила несколько лет назад. Аврора. Маленькая сестрёнка, которая даже не знала, как я живу.

Я написала короткое сообщение:

«Поздравляю с поступлением! Ты молодец. Горжусь тобой #»

Отправила. И убрала телефон подальше.

Аврора ответит. Через день. Через неделю. Или вообще не ответит. Как всегда.

Я встала, подошла к столу, взяла карандаш и начала рисовать. Дом. Большой. Светлый. С садом, где бегают дети. С

окнами, в которые врывается солнце. С террасой, где можно пить кофе и никуда не спешить.

Я рисовала, и слёзы капали на бумагу, но я не вытирала их. Они были частью меня. Частью того, что я прятала внутри.

Сколько лет я уже одна? Семь? Восемь? С тех пор, как в восемнадцать я сказала родителям: «Я не хочу ваших денег. Я хочу сама». Они не поняли. Они назвали меня неблагодарной. И переключили всё внимание на Аврору. Маленькую, послушную, красивую Аврору, которая никогда не спорила, никогда не перечила, никогда не сбегала в полночь с чемоданом и двумя тысячами рублей в кармане.

Я думала, они поймут. Я думала, они будут скучать. Я думала, они хотя бы позвонят. Но прошло полгода. Год. Два. А потом я поняла — они не позвонят. Они выбрали. Не меня.

Но сегодня, когда я стояла на подоконнике и смотрела на город, я чувствовала, что впервые за долгое время я не одна.

У меня есть Лёшка, который назвал меня мамой.

У меня есть Сергей Владимирович, который назвал меня бусинкой.

И даже если он ненавидит меня, даже если это просто игра, просто работа — я чувствовала, что я живу. Что я нужна. Пусть этому ребёнку. Пусть этому холодному мужчине, который прячет боль за сталью.

Я допила чай, убрала эскизы и легла в кровать. Потолок был белый, но я видела там другую картину. Мятные глаза. Светлые волосы Лёшки. Его смех.

Я закрыла глаза и прошептала в темноту:

— Я справлюсь. Я всегда справлюсь.

И заснула, сжимая в руках телефон, на котором так и не появилось уведомление от младшей сестры.

Глава 3

Глава 2. Ты снова здесь

Стефания

В восемь утра я стояла перед дверями «Горский-дом» с чашкой кофе в одной руке и папкой в другой.

Я не спала почти всю ночь. Сначала рисовала, потом ворочалась в кровати, прокручивая в голове вчерашний день. Лёшка. Его «мама». Его глаза — Сергея Владимировича, в которых плескалась такая боль, что я до сих пор не могла её забыть. А потом телефон, холодный голос мамы, и тишина в ответ на моё сообщение Авроре.

Но я пришла. Потому что я — Ветрова. И я не сдаюсь.

На ресепшене меня встретила всё та же стерильная улыбка. В лифте я поправила небрежный пучок, который уже начал растрепываться, и вздохнула. Сегодня я надела джинсы. Светло-голубые, с высокой посадкой, и простую белую футболку. И снова белые кеды. Вчерашний день доказал мне, что если я буду носить строгие костюмы — я умру от скуки. А если меня уволят за дресс-код — значит, так тому и быть.

Когда двери лифта открылись на пятьдесят шестом этаже, я увидела его.

Сергей Владимирович стоял в приёмной, прямо у моего стола. Тёмно-синий костюм, идеально сидящий на широких плечах. Галстук затянут. Волосы уложены. Ни следа вчераш-

ней усталости. Он выглядел так, будто вообще не спал, но при этом был собран как стальная пружина.

Он смотрел на мои кеды.

Я замерла.

— Доброе утро, Сергей Владимирович, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Я не опоздала.

— Ты опоздала на три минуты, — сказал он холодно.

Я посмотрела на часы.

— Но сейчас ровно восемь...

— Три минуты назад должно было быть готово моё расписание на сегодня, — перебил он. — Где оно?

Я открыла рот, чтобы сказать, что расписание я подготовила вчера вечером, но он не дал мне говорить.

— Кофе, — сказал он. — И быстро. У меня встреча через пятнадцать минут.

Он развернулся и ушёл в кабинет, даже не взглянув на меня.

Я стояла посреди приёмной с чашкой в руках и чувствовала, как внутри закипает злость.

Он специально. Он ждал меня, чтобы устроить этот спектакль. Он хочет меня сломать.

Я сжала зубы, зашла в маленькую кухню и приготовила кофе. Чёрный, без сахара. Левая тумбочка. Вода девяносто градусов. Я выучила это наизусть вчера.

Зашла в кабинет. Он стоял у панорамного окна, спиной ко мне. Протянул руку за чашкой, не оборачиваясь.

— Не урони, Бусинка, — сказал он тихо.

Я вздрогнула. Снова это слово. Он снова назвал меня так, и в голосе его не было насмешки. Только лёгкая, едва заметная... усмешка?

— Я не роняю, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Кофе.

Он взял чашку, сделал глоток. Молчал. Я стояла и ждала, когда он прогонит меня.

— Сядь, — сказал он неожиданно.

— Что?

— Сядь, Ветрова. У меня к тебе разговор.

Я села на край стула, не понимая, чего ожидать. Он опустился в своё кресло и смотрел на меня поверх чашки. Мятные глаза — холодные, внимательные. Он изучал меня, как чертёж. Как проект. Как ошибку, которую нужно исправить.

— Ты знаешь, кто я, — сказал он. — Ты знаешь, что я строю «Горский-дом». Ты знаешь, что я не терплю слабаков. Ты спасла моего сына. Ты показала ему рыбок. Ты дала ему то, чего я не могу дать — время. И внимание. И это меня бесит.

Он говорил спокойно, но в его голосе я слышала что-то новое. Не холод. Не сталь. Что-то... честное.

— Я не понимаю, — сказала я тихо. — Что вы хотите от меня?

Он откинулся на спинку кресла и посмотрел на меня долгим взглядом.

— Я хочу знать, зачем ты здесь, — сказал он. — Ты — архитектор. Талантливый. Я видел твои проекты. Они хороши. Ты могла бы работать в любой компании в городе. Но ты пришла ко мне. И ты согласилась быть моей помощницей, хотя это унижительно для такого уровня, как ты. Почему?

Я смотрела на него. И впервые за всё время я не видела в его глазах желания уничтожить меня. Я видела любопытство. Настоящее, человеческое любопытство.

Я вздохнула.

— Потому что я хочу учиться, — сказала я. — У вас лучшая компания. У вас лучшие проекты. Я хочу быть рядом, видеть, как вы работаете, как вы принимаете решения. Да, я архитектор. Но я не знаю всего. И я хочу научиться. Даже если для этого придётся носить кофе.

Он молчал. Долго. Потом его губы дрогнули.

— Ты странная, — сказал он. — Ты носишь кеды на работу, не боишься меня, смеёшься с моим сыном так, будто знаешь его всю жизнь. У тебя в глазах — огонь, хотя ты выглядишь как ребёнок. Кто ты на самом деле, Ветрова?

Я похолодела на секунду. Он спрашивал о прошлом, о семье, о том, что я прятала годами. Но в его голосе не было злости. Только любопытство. И я вдруг поняла, что не хочу ему лгать.

— Я просто Стефания, — сказала я. — Ветрова. Я хочу строить дома. Я хочу, чтобы мои проекты жили. Я хочу доказывать, что я чего-то стою. И если для этого нужно рабо-

тать с вами — я буду работать. Даже если вы будете каждый день проверять меня на прочность.

Он смотрел на меня долго. Так долго, что я почувствовала, как у меня начинают гореть щёки.

— Ты не боишься, — сказал он наконец. — Ты действительно не боишься.

— Зачем бояться? — улыбнулась я. — Вы всё равно не убьёте меня. А если уволите — я найду другую работу. Но я хочу остаться здесь. И я докажу, что достойна.

Он усмехнулся. Но в его усмешке не было зла. Она была усталой. Почти тёплой.

— Тогда работай, Ветрова. И не смей подводить меня.

Я встала, чувствуя, как у меня кружится голова. Он дал мне шанс. Просто так. Без условий. Я хотела улыбнуться, но сдержалась. Вместо этого я кивнула и пошла к двери.

— Ветрова.

Я обернулась.

Он смотрел на меня поверх чашки, и в его глазах мелькнула та самая тень боли, которую я видела вчера.

— Лёшка вчера спрашивал про тебя. Всю ночь. Он сказал, что ты — его мама.

Я замерла.

— Он не понимает, что говорит, — сказал он тихо. — Но я хочу, чтобы ты знала: я не могу дать ему мать. Я не могу заменить её. Но если ты будешь рядом — осторожно. Без обещаний. Без надежды. Ты поняла?

Я смотрела на него. На его глаза. На его руки, которые слегка дрожали, когда он ставил чашку на стол.

— Поняла, — прошептала я.

И вышла из кабинета, чувствуя, как внутри всё переворачивается.

Лёшка спросил про меня. Всю ночь.

Сергей Владимирович сказал, что я нужна ему.

Я стояла у своего стола, смотрела на закрытую дверь его кабинета и не могла дышать.

— Что ты делаешь со мной, Горский? — прошептала я.

Я сидела за своим столом и пыталась сосредоточиться на расписании, но перед глазами всё ещё стояла картина: Сергей Владимирович с чашкой кофе, его дрожащие пальцы, его тихое: *«Лёшка сказал, что ты — его мама»*.

Сердце билось где-то в горле, и я никак не могла успокоиться. Я смотрела на экран компьютера, но цифры и буквы сливались в одну бессмысленную кашу.

— Ветрова!

Голос Сергея Владимировича вырвал меня из оцепенения.

Я вскочила, влетела в кабинет и увидела его раздражённое лицо.

— Где контракты, которые я просил?

— Я... сейчас, — я заметалась, пытаюсь вспомнить, куда положила папку. Вчерашний день был таким хаосом, что я уже не помнила, что делала в последние часы.

— Ты не на месте, — сказал он резко, глядя на меня поверх очков. — Приди в себя, Ветрова. У тебя работа.

— Я приду, — буркнула я, чувствуя, как щёки заливают краской. — Я просто...

— Не оправдывайся. Иди. Найди контракты. Ты — мой помощник, а не растерянный ребёнок.

Я вылетела из кабинета, готовая разрыдаться от злости. Как он смеет! Как он смеет так со мной разговаривать, когда сам только что был почти человеческим?

Я нашла контракты на дне стола — оказывается, я сама их туда сунула вчера, когда бегала с двенадцатой чашкой кофе. Схватила папку и побежала обратно к кабинету.

Но на полпути я услышала топот.

Маленький, быстрый, счастливый топот.

Я обернулась и успела ровно настолько, чтобы поймать светловолосого урагана, который врезался мне в ноги.

— Стеша! — закричал Лёшка так громко, что звон в ушах стал почти болезненным. — Стеша!

Я рассмеялась, опустилась на корточки и подхватила его на руки. Тёплый, пахнущий молоком и детским шампунем, он обхватил мою шею и прижался мокрым носом к моей щеке.

— Лешка, ты откуда? — спросила я, чувствуя, как сразу становится легче. Как вся злость и раздражение куда-то улечиваются.

— Я убежал! — радостно сообщил он. — Няня спит!

— Сп...

Я подняла глаза и увидела запыхавшуюся женщину, которая бежала по коридору с совершенно убитым выражением лица.

— Простите! — простила она. — Он услышал ваше имя и просто... он... я на секунду отвернулась...

— Всё нормально, — улыбнулась я. — Он у меня.

Лёшка посмотрел на меня серьёзно и вдруг спросил:

— Ты будешь моя мама?

У меня перехватило дыхание. Я открыла рот, чтобы ответить, но не успела.

— Леша, — раздался голос за моей спиной.

Холодный. Стальной.

Я обернулась. Сергей Владимирович стоял в дверях кабинета и смотрел на нас. На меня. На Лёшку. На няню, которая прятала глаза.

— Папа! — Лёшка заулыбался и протянул к нему руки. — Смотри, Стеша! Моя Стеша!

Сергей не пошевелился. Его лицо оставалось каменным, но в мятных глазах что-то дрогнуло. Я видела, как он сжал челюсть, как на скулах заиграли желваки.

— Я же сказал, — тихо произнёс он, глядя на няню. — Ты отвечаешь за его безопасность. Если он снова убежит — ты уволена.

Няня побледнела.

— Простите, Сергей Владимирович, он услышал...

— Я услышал! — перебил её Лёшка, гордо подняв подбородок. — Я услышал Стешу! И я прибежал!

Сергей перевёл взгляд на сына. На его лице не было злости. Только усталость. И что-то похожее на отчаяние.

— Леша, иди к няне, — сказал он тихо.

— Нет! — Лёшка вцепился в мою шею. — Я с Стешей!

— Леша.

— Нет, папа!

Я чувствовала, как маленькие пальчики сжимают мою футболку. Как он дрожит. Как он боится, что его отнимут.

Я посмотрела на Сергея Владимировича.

— Можно я... — начала я тихо. — Можно я отнесу его к няне? Он успокоится. Потом я вернусь.

Сергей смотрел на меня. Долго. Так долго, что я подумала — сейчас он вырвет сына из моих рук и выгонит меня из компании.

— Пять минут, — сказал он наконец. — И ты возвращаешься к работе.

Я кивнула и пошла по коридору с Лёшкой на руках. Няня семенила за мной, но я чувствовала взгляд Сергея Владимировича на своей спине. Тяжёлый, напряжённый.

— Лёшка, — сказала я тихо, когда мы зашли в маленькую гостиную рядом с его кабинетом. — Почему ты убегаешь от няни?

Мальчик посмотрел на меня серьёзно.

— Няня не смеётся, — сказал он. — А ты смеёшься. Ты

смешная. И ты пахнешь вкусно. И у тебя очки. Я люблю очки.

Я засмеялась, прижимая его к себе.

— А как ты меня нашёл?

— Я знаю, где ты! — гордо сказал он. — Ты там, где папа.

Я слышал, как папа говорил: «Ветрова, кофе». И я побежал!

Я покачала головой. Этот маленький человек за несколько секунд вычислил, где я нахожусь, просто по голосу отца. И прибежал ко мне.

— Ты очень умный, Лешка, — сказала я.

— Да, — согласился он. — Я умный. И я хочу с тобой играть.

Я посадила его на диван и присела рядом.

— Лешка, я должна работать. Я не могу всё время играть с тобой.

Он надул губы и уставился на меня глазами-блюдцами. В них была такая обида, что моё сердце разрывалось.

— Почему? — спросил он шёпотом. — Ты не хочешь со мной?

— Хочу, — сказала я честно. — Очень хочу. Но мне нужно зарабатывать деньги. Понимаешь?

Он подумал несколько секунд, а потом выдал:

— Папа даст тебе деньги. Папа богатый. Ты будешь играть со мной.

Я улыбнулась.

— Так не работает, малыш. Я должна работать. Но знаешь

что? Когда у меня будет перерыв — я могу с тобой порисовать. Хочешь?

Лёшка закивал, его глаза загорелись.

— Рисовать! Я люблю рисовать!

— Отлично, — я встала и взяла его за руку. — А теперь давай я отведу тебя к няне, хорошо?

— А ты придёшь?

— Приду, — пообещала я. — Честное слово Ветровой.

Он посмотрел на меня серьёзно и протянул мизинец.

— Дай слово.

Я скрепила его мизинец своим и почувствовала, как тепло разливается по груди.

— Слово.

Няня забрала Лёшку, который больше не сопротивлялся, и улыбнулась мне благодарно.

— Спасибо, — прошептала она. — Вы не представляете, как он редко успокаивается.

— Он просто хочет внимания, — сказала я. — Он хочет, чтобы его любили.

Няня вздохнула.

— Все хотят, девочка. Но не все это получают.

Я вернулась в приёмную, чувствуя лёгкость на душе. Лёшка был таким тёплым, таким искренним... И как он смотрел на меня! Как на спасение.

Я села за стол и улыбнулась своим мыслям. И в этот момент дверь кабинета открылась.

Сергей Владимирович вышел, поправляя запонки. Он посмотрел на меня, и его взгляд изменился. Он был холодным, но в нём промелькнуло что-то новое. Что-то мягкое, что он пытался спрятать.

— Ты успокоила его, — сказал он.

— Я просто поговорила с ним, — ответила я. — Он хочет, чтобы с ним играли.

— У меня нет на это времени, — сказал он жёстко.

— У меня тоже нет, — ответила я так же жёстко. — Но я выкрою. Потому что дети не виноваты в том, что их родители заняты.

Он посмотрел на меня так, будто я ударила его. В его глазах вспыхнуло раздражение, но он промолчал.

— Заканчивай с расписанием, — сказал он. — Через час у меня встреча с заказчиками. Ты будешь записывать.

Я кивнула.

— И Ветрова...

Я подняла голову.

— Спасибо, — сказал он тихо. И ушёл обратно в кабинет, оставив меня сидеть с открытым ртом.

Я смотрела на закрытую дверь и чувствовала, как всё внутри переворачивается.

Спасибо. Он сказал «спасибо».

Я улыбнулась и взялась за расписание, но в голове крутилась только одна мысль: «*Что ты со мной делаешь, Горский?*»

Через час я сидела в переговорной с планшетом в руках и чувствовала, как у меня трясутся колени.

Потому что я никогда не была на таких встречах.

За огромным стеклянным столом сидели пятеро мужчин в дорогих костюмах. Инвесторы. Застройщики. Люди, которые решали судьбу многомиллионных проектов. Они говорили о цифрах, сроках, материалах, и я чувствовала себя маленькой девочкой, которая случайно зашла не в ту дверь.

Сергей Владимирович сидел во главе стола. Спокойный, уверенный, холодный. Он не смотрел на меня. Он смотрел на инвесторов, и каждое его слово было взвешенным, точным, как удар скальпеля.

— Проект «Горизонт» требует пересмотра бюджета, — сказал один из инвесторов, мужчина лет пятидесяти с сединой на висках. — Ваши цифры не совпадают с нашими расчётами. Мы не можем вложить столько в фасад, который, возможно, не окупится.

Я замерла.

— Бюджет утверждён, — ответил Сергей Владимирович холодно. — Фасад с динамической подсветкой — это не просто эстетика. Это экономия на электроэнергии в долгосрочной перспективе. Я приведу цифры.

Он кивнул на меня.

— Ветрова, покажи расчёты по энергоэффективности.

Я похолодела.

— Я...

— Расчёты, — повторил он, и в его голосе послышалась сталь.

Я лихорадочно зарылась в планшет. У меня не было расчётов. Я не готовилась к этой встрече. Я думала, что просто буду записывать.

— Сергей Владимирович, я не... — начала я, чувствуя, как горят щёки.

Он посмотрел на меня. В его мятных глазах мелькнуло разочарование. Острое, как нож.

— Ветрова, ты мой помощник. Ты должна быть готова к любым вопросам.

Инвесторы переглянулись. Кто-то усмехнулся.

— Сергей Владимирович, вы взяли на работу ребёнка? — спросил седой мужчина с иронией. — Она выглядит так, будто только что из университета.

Я сжала зубы.

— Я действительно из университета, — сказала я. — Но я знаю проект «Горизонт» лучше, чем кто-либо здесь.

Тишина. Инвесторы смотрели на меня с удивлением. Сергей Владимирович — с лёгким прищуром.

— Правда? — спросил седой мужчина. — И что же вы можете сказать о фасаде?

Я встала.

— Фасад с динамической подсветкой — это не просто красиво, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает азарт. — Это система, которая адаптируется к погодным условиям.

В дождливую погоду снижается яркость, чтобы не создавать блики. В солнечную — усиливается, чтобы здание выделялось. Это снижает энергопотребление на тридцать процентов по сравнению с обычными системами подсветки.

Инвестор поднял бровь.

— И откуда у вас эти цифры?

Я улыбнулась.

— Потому что я участвовала в разработке этого фасада. Это моя дипломная работа, которую адаптировали под ваш проект.

Тишина стала плотной, как бетон. Инвесторы переглянулись. Седой мужчина посмотрел на Сергея Владимировича.

— Это правда?

Сергей Владимирович молчал. Он смотрел на меня, и в его глазах я читала смешанные чувства. Удивление. Злость. И что-то ещё... что-то похожее на гордость.

— Она действительно разработала концепцию фасада, — сказал он наконец. — Ветрова — талантливый архитектор. Я взял её в компанию не только как помощника.

Инвесторы загудели. Кто-то заулыбался, кто-то нахмурился.

— Почему же вы скрываете такой талант? — спросил седой мужчина. — Она могла бы возглавить проект!

— Она ещё молода, — ответил Сергей Владимирович. — Но она учится. И сегодня она доказала, что знает своё дело.

Я смотрела на него, не веря своим ушам. Он защищал ме-

ня. Он признал мою работу. При всех.

Инвесторы закивали. Седой мужчина улыбнулся мне.

— Тогда, Стефания, — сказал он. — Может быть, вы расскажете нам про другие проекты? Мы заинтересованы.

Я взглянула на Сергея Владимировича. Он едва заметно кивнул.

И я начала говорить.

Я говорила о проектах, которые разрабатывала ночами, о зданиях, которые строила в своих мечтах, о том, как можно сделать город красивее, функциональнее, удобнее. Я показывала эскизы на планшете, чертила схемы прямо в воздухе пальцами и чувствовала, как у меня горят глаза.

Инвесторы слушали. Задавали вопросы. Улыбались.

А Сергей Владимирович молчал. Он сидел во главе стола, сложив руки на груди, и смотрел на меня. Его глаза больше не были холодными. В них была лёгкая усмешка. Почти нежность.

Когда встреча закончилась, инвесторы пожали мне руку.

— У вас талант, — сказал седой мужчина. — Если Сергей Владимирович не оценит вас — мы перекупим.

Я засмеялась, чувствуя, как у меня кружится голова от счастья.

Они вышли из переговорной, и я осталась одна. Стояла посреди комнаты, прижимая планшет к груди, и не верила, что это только что произошло.

— Ветрова.

Я обернулась.

Сергей Владимирович стоял в дверях. Он смотрел на меня, и в его глазах больше не было стали. Но и тепла — тоже. Он выглядел серьёзным. Уставшим. И раздражённым.

— Зайди в кабинет, — сказал он коротко и развернулся.

Я вошла следом, чувствуя, как внутри всё сжимается. Он опустил в кресло, откинулся на спинку и посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты показала себя, — сказал он. — Ты доказала, что ты не просто помощник. Ты — архитектор. И это была хорошая импровизация.

Я улыбнулась, но улыбка тут же погасла, когда он продолжил.

— Но! — его голос стал жёстче. — Ты не подготовилась. Ты пришла на встречу с инвесторами без расчётов, без цифр, без чёткого понимания, что тебя могут спросить. Ты надеялась на удачу. Это непрофессионально.

Я опустила глаза.

— Я не знала, что меня будут спрашивать...

— Ты должна знать, — перебил он. — Ты — мой помощник. Ты должна быть готова к любым вопросам. Неважно, архитектор ты или курьер. Если ты в этой комнате — ты представляешь «Горский-дом». Ты не имеешь права выглядеть растерянной.

Я сжала губы.

— Я справилась, — сказала я тихо.

— Ты справилась благодаря своему таланту, — поправил он. — Но талант не заменит подготовки. В следующий раз, если я спрошу тебя о расчётах — у тебя они будут. Даже если для этого придётся сидеть до полуночи. Ты поняла?

Я подняла глаза и встретила его взгляд. В них больше не было злости. Только требовательность. Строгость наставника.

— Поняла, — ответила я.

Он кивнул и немного смягчился.

— И всё же... ты хорошо говорила. Инвесторы были впечатлены. Седой, Пётр Иванович, — он спросил, не хочешь ли ты перейти к ним.

Я удивилась.

— Правда?

— Правда, — усмехнулся он. — Но я сказал, что ты — моя. И я не отдам тебя так просто.

Моё сердце пропустило удар.

— Я... я ваша? — переспросила я растерянно.

Он поднял бровь, понял, как это прозвучало, и его губы дрогнули в усмешке.

— Ты мой помощник, — поправил он. — Ты работаешь на меня. Это всё, что я имел в виду.

Я кивнула, но внутри всё перевернулось.

— Иди, — сказал он. — И подготовь расчёты по «Горизонту» к завтрашнему утру. Если они будут не готовы — ты не получишь доступ к новым проектам.

Я развернулась и пошла к двери, но у самого выхода остановилась.

— Сергей Владимирович.

— Что?

— Спасибо, — сказала я. — Что не позволили им меня перекупить.

Он усмехнулся.

— Иди работай, Бусинка.

Я вышла из кабинета, чувствуя, как сердце бьётся где-то у горла.

Он сказал, что я — его. Что он не отдаст меня.

А потом он снова назвал меня Бусинкой.

Я села за свой стол и не могла удержать улыбку. Он ругал меня. Строго, жёстко, по-деловому. Но в его голосе было что-то ещё. Что-то, что не давало мне успокоиться.

«Ты — моя», — сказал он.

Я закрыла глаза и почувствовала, как внутри разливается тепло.

Что ты делаешь со мной, Горский? Что ты делаешь?

Я не заметила, как стемнело.

Сначала я думала, что управлюсь за час. Потом — за два. Но расчёты по «Горизонту» оказались сложнее, чем я предполагала. Я перепроверяла цифры, сверялась с документами, искала ошибки в старых отчётах и чувствовала, как усталость медленно, но верно затягивает меня в своё болото.

На часах было уже девять вечера, когда я наконец-то вы-

дохнула, откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

Тишина. Офис опустел. Огни города мерцали за огромными панорамными окнами. Я смотрела на них и думала о том, как странно устроена жизнь. Ещё вчера я была никем. А сегодня меня хвалили инвесторы, а Сергей Владимирович сказал, что я — его.

Я усмехнулась своим мыслям и потянулась, разминая затекшую шею.

И в этот момент я услышала звук.

Тихий, всхлипывающий звук, который доносился откуда-то из коридора.

Я насторожилась. Встала, вышла в приёмную и замерла.

В углу, у самого входа, сидел Лёшка.

Маленький, светловолосый, в пижаме с мишками. Он сидел на полу, поджав колени к груди, и тихо плакал. Слезы катились по его щекам, он шмыгал носом и вытирал глаза кулачками.

— Лешка! — я бросилась к нему и опустилась на корточки. — Ты что здесь делаешь? Почему ты один?

Он поднял на меня заплаканные глаза, и у меня сердце разорвалось на части.

— Стеша, — всхлипнул он. — Я хочу к тебе.

— Как ты сюда попал? — я осмотрела коридор, но никого не увидела.

— Я убежал, — сказал он шёпотом. — Няня злая. Я не хочу к няне. Я хочу к тебе.

Я притянула его к себе, чувствуя, как он дрожит. Он был холодным, босым, в одних носках. Пижама была тонкой, не для того чтобы сидеть на холодном полу.

— Лешка, ты замёрз, — я сняла свою лёгкую кофту и укутала его. — Пойдём, я посажу тебя на диванчик, хорошо?

Он кивнул, но не отпускал меня. Я подхватила его на руки — он был таким лёгким, почти невесомым — и понесла в приёмную. Посадила на маленький диванчик, укрыла своей кофтой, присела рядом и взяла его за руки.

— Расскажи мне, что случилось, — сказала я мягко. — Почему няня злая?

Лёшка всхлипнул и вытер нос рукавом пижамы.

— Я не хотел спать, — сказал он. — Я хотел посмотреть рыбок. А няня сказала: «Лешка, нельзя, поздно, папа будет ругаться». А я хотел! Я хотел показать рыбкам Стешу!

Он снова заплакал, и я прижала его к себе.

— Лешка, я не могу посмотреть рыбок поздно. Мне нужно работать. Понимаешь?

— Ты всегда работаешь! — выкрикнул он с обидой. — Ты всё время работаешь! Ты как папа! Вы оба работаете, и никто не хочет со мной играть!

У меня комок подступил к горлу.

— Лешка, я хочу, — сказала я тихо. — Я очень хочу с тобой играть. Но я должна зарабатывать деньги. Ты же понимаешь?

Он посмотрел на меня своими огромными мятными гла-

зами, и в них была такая боль, что я готова была бросить всё и бежать с ним смотреть рыбок хоть до утра.

— А ты не уйдёшь? — спросил он шёпотом. — Ты не уйдёшь как мама?

У меня сердце остановилось.

— Лешка...

— Мама ушла, — сказал он, и его голос дрогнул. — Она сказала: «Я ухожу, Лешка, я больше не могу». И ушла. И больше не пришла. А ты уйдёшь?

Я смотрела на него, и слёзы жгли мои глаза. Мне было двадцать три года, я не была его матерью, я не знала, что говорить в таких ситуациях. Но я не могла позволить этому ребёнку думать, что его бросят снова.

Я взяла его лицо в ладони, посмотрела в его глаза и сказала:

— Лешка, послушай меня. Я не твоя мама. И я не могу обещать тебе, что буду всегда. Но я обещаю тебе одну вещь.

— Какую? — прошептал он.

— Я не уйду от тебя, не попрощавшись, — сказала я. — Если я когда-нибудь уйду — я скажу тебе. Я обниму тебя и скажу. Я не исчезну, как она. Хорошо?

Он смотрел на меня секунду, а потом бросился ко мне на шею и заплакал. Громко, отчаянно, всем своим маленьким телом.

— Не уходи, — бормотал он. — Ты моя мама. Ты моя мама, Стеша. Я люблю тебя.

Я прижимала его к себе и чувствовала, как по моим щекам текут слёзы. Я гладила его по голове, по светлым волосам, шептала что-то бессвязное, успокаивающее.

— Я здесь, Лешка. Я здесь. Я никуда не уйду.

Мы сидели так неизвестно сколько. Я не знала, сколько времени прошло. Я знала только то, что у меня на руках плакал маленький мальчик, который потерял мать и искал её в каждой женщине, которая улыбалась ему.

— Лешка, — раздался голос за моей спиной.

Я обернулась.

В дверях стоял Сергей Владимирович. Он был без пиджака, в одной белой рубашке, с расстегнутой верхней пуговицей. Волосы были взлохмачены, под глазами залегли тени. Он выглядел уставшим — и испуганным.

— Лешка, что ты здесь делаешь? — спросил он, подходя ближе.

— Я хочу к Стеше! — выкрикнул Лёшка, не отпуская меня. — Не отнимай меня, папа! Не отнимай!

Сергей остановился. Он смотрел на нас — на сына, который вцепился в меня мёртвой хваткой, и на меня, с мокрым лицом и красными глазами.

— Я ищу его уже полчаса, — сказал он тихо. — Он убежал от няни. Я думал... я не знал, где он.

— Он пришёл ко мне, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Он плакал. Он сказал, что няня злая. И что вы оба всё время работаете.

Сергей сжал челюсть. Он подошёл ближе и присел перед сыном на корточки.

— Лешка, ты не можешь убежать, — сказал он мягко, но с ноткой стали. — Ты меня пугаешь. Ты понимаешь?

— Ты тоже не играешь со мной! — всхлипнул Лёшка. — Ты всегда работаешь! А Стеша работает, но она меня не прогоняет! Она со мной играет!

Сергей перевёл взгляд на меня. В его глазах было что-то сложное. Смесь вины, благодарности и растерянности.

— Ты осталась допоздна, — сказал он. — Я думал, ты уже ушла.

— Я готовила расчёты, — ответила я. — Как вы просили. Он кивнул.

— Лешка, иди к няне, — сказал он. — Ей пора спать.

— Нет! — Лёшка вцепился в меня так, что я почувствовала боль. — Я хочу к Стеше! Я с ней хочу спать!

Я посмотрела на Сергея. В его глазах была такая беспомощность, что у меня защемило сердце. Этот сильный, холодный, стальной мужчина не знал, что делать с собственным сыном.

— Можно я его уложу? — спросила я тихо. — Я читаю ему сказку. И он уснёт.

Сергей смотрел на меня долго. Секунду. Две. Пять.

— Ты не обязана, — сказал он.

— Я знаю, — ответила я. — Я хочу.

Он вздохнул и кивнул.

— Хорошо. Но только одну сказку.

Лёшка поднял на меня заплаканные глаза и улыбнулся. Сквозь слёзы. Самая красивая улыбка в мире.

— Стеша, ты моя мама, — прошептал он.

Я прижала его к себе и прошептала в ответ:

— Я твоя Стеша. Иди, я отнесу тебя в кроватку.

Я взяла его на руки и пошла в детскую, чувствуя, как за моей спиной стоит Сергей Владимирович и смотрит нам вслед.

Я чувствовала его взгляд на своей спине, когда укладывала Лёшку в кроватку, когда читала ему сказку про зайца, когда он засыпал у меня на руках.

— Стеша, — прошептал он уже сонным голосом. — Ты придёшь завтра?

— Приду, — пообещала я. — Честное слово.

Он улыбнулся и закрыл глаза.

Я сидела в детской, прижимая к себе тёплого спящего ребёнка, и чувствовала, как в груди разливается что-то большое и тёплое.

— Ветрова, — раздался шёпот за спиной.

Я обернулась. Сергей Владимирович стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку. Он смотрел на меня, и в его глазах больше не было стали.

— Ты знаешь, что ты делаешь, — сказал он. — Ты знаешь, как с ним.

Я улыбнулась.

— Это не сложно, — сказала я. — Нужно просто любить его.

Он молчал. Долго. А потом тихо, почти неслышно произнёс:

— Спасибо, Бусинка.

Я посмотрела на него, на его уставшее лицо, на его глаза, в которых плескалась благодарность. И в этот момент я поняла, что влюбляюсь в его сына. А может быть... и в него самого.

— Спокойной ночи, Сергей Владимирович, — прошептала я.

— Спокойной ночи, — ответил он.

Я вышла из детской, оставив Лёшку спать в своей кроватке, и пошла к выходу. А он стоял в коридоре и смотрел мне вслед.

И я слышала, как он тихо прошептал в пустой коридор:

— Ветрова... Стефания... Что ты делаешь со мной?

Суббота. Наконец-то суббота.

Я вышла из дома без всякой цели, просто чтобы дышать. Всю неделю я жила в бешеном ритме: кофе, расписания, встречи, Лёшка, снова кофе, снова Сергей Владимирович с его ледяными глазами и внезапными вспышками тепла. Я устала так, что казалось — мои кости скрипят при каждом шаге.

Но сегодня я никуда не спешила.

Я бродила по торговому центру, разглядывая витрины, но

ничего не покупала. Денег было в обрез — зарплата помощника не позволяла шиковать. Но мне нравилось просто смотреть. На красивые вещи, на людей, на детей, которые бегали по коридорам с воздушными шариками.

Я уже собралась уходить, когда почувствовала, что хочу кофе. Маленькая кофейня у детской комнаты — идеальное место, чтобы посидеть, отдохнуть и понаблюдать за чужими счастливыми семьями.

Я взяла капучино, села за столик и уже поднесла чашку к губам, когда услышала голос.

Громкий, требовательный, до боли знакомый.

— Не хочу! Не хочу! Хочу Стешу!

Я замерла.

Медленно обернулась и увидела Лёшку. Он стоял у входа в детскую комнату, надутый, красный, с мокрыми от слёз глазами. Рядом с ним стояла няня — та самая, которая вечно выглядела напуганной. Она пыталась уговорить мальчика зайти внутрь, но он топал ногами и кричал на весь коридор.

— Стеша! Стеша! Мама!

У меня ёкнуло сердце. Я встала, забыв про кофе, и направилась к ним.

— Лешка? — позвала я тихо.

Он обернулся. Увидел меня. И его лицо преобразилось за секунду. Слёзы высохли, глаза засияли, и он рванул ко мне с такой скоростью, что я едва успела присесть, чтобы поймать его.

— Стеша! — закричал он и бросился мне на шею. — Стеша! Стеша!

Он обхватил мою шею пухлыми ручками, прижался мокрой щекой и засопел у меня в плече.

— Я здесь, Лешка, — сказала я, поглаживая его по голове. — Я здесь.

Он отстранился, посмотрел на меня мокрыми глазами и вдруг заулыбался. Широко, по-детски, показывая мелкие молочные зубки.

— Нашёл! — сказал он.

— Нашёл, — согласилась я, улыбаясь. — Молодец.

Няня подошла к нам, красная от смущения.

— Простите, Стефания, он весь день капризничает. Мы пришли в торговый центр, чтобы отвлечь его, но он только сильнее расплакался...

— Всё нормально, — улыбнулась я. — Я как раз никуда не спешу.

Я взяла Лёшку на руки и пошла к своему столику. Посадила его на колени, поправила его светлые волосы, которые вечно торчали в разные стороны.

— Пить! — сказал он, показывая пальцем на мою чашку. — Хочу!

— Это кофе, — сказала я. — Тебе нельзя.

— Пить! — настаивал он.

— Хочешь тёплое молоко с мёдом? — спросила я.

Он подумал секунду, потом серьёзно кивнул:

— Да!

Я заказала ему молоко. Он сидел у меня на коленях, болтал ногами и смотрел по сторонам. Иногда показывал пальцем на что-то и говорил:

— Там! Рыбки!

— Нет, Лешка, там нет рыбок, — смеялась я. — Там люди.

— Люди, — повторил он и захихикал.

Он пил молоко, причмокивая, и я вытирала ему пенку с верхней губы. Он смотрел на меня с обожанием и иногда гладил меня по щеке своей маленькой ладошкой.

— Мама, — говорил он.

— Я Стеша, — поправляла я.

— Стеша, — повторял он и снова улыбался.

И в этот момент я подняла глаза и увидела его.

Сергей Владимирович стоял у входа в кофейню.

Он был в тёмно-синей рубашке, джинсах, без пиджака, без галстука. Выглядел совершенно по-другому. Не как глава корпорации, а как обычный мужчина, который вышел погулять с сыном в выходной. Его волосы были слегка растрёпаны, и он смотрел на нас так, будто увидел что-то невозможное.

Я замерла.

— Папа! — Лёшка заметил его и замахал руками. — Папа! Смотри! Стеша!

Сергей медленно подошёл к нашему столику. Он смотрел то на сына, который сидел у меня на коленях, то на меня. В

его глазах смешались удивление и что-то ещё. Что-то такое, от чего у меня перехватило дыхание.

— Ветрова, — сказал он.

— Сергей Владимирович, — ответила я.

Он помолчал. Потом вздохнул и сел за наш столик. Просто сел. Как будто это было нормально.

— Мы с Лёшкой решили устроить выходной, — сказал он. — Поехали в торговый центр, чтобы он мог поиграть в детской комнате. Но он отказался заходить. Сказал, что хочет тебя.

— Стеша! — подтвердил Лёшка и показал на меня пальцем. — Моя!

Сергей усмехнулся. Настоящая, искренняя усмешка, без тени холода.

— Да, твоя, — сказал он.

Мы сидели втроем за маленьким столиком. Лёшка пил молоко, размазывая его по столу, я вытирала его салфеткой, Сергей заказал себе чёрный эспрессо и молчал. Но его молчание не было тяжёлым. Оно было почти уютным.

— Ты проводишь с ним время, — сказал он наконец. — Даже в выходной.

— Он сам меня нашёл, — улыбнулась я. — Я просто сидела и пила кофе.

— Стеша! — Лёшка потянулся ко мне. — На ручки!

— Ты уже сидишь у меня, — засмеялась я.

Он уткнулся носом мне в плечо и засопел.

— Спать, — сказал он тихо.

— Устал, — сказала я Сергею. — Он сегодня много плакал.

Сергей кивнул и вздохнул.

— Он не спал всю ночь. Всё просыпался и спрашивал. «Папа, Стеша придёт?» Я не знал, что отвечать.

У меня сжалось сердце.

— Я прихожу, — сказала я. — Я буду приходить. Если вы позволите.

Он посмотрел мне в глаза. Долго. Так, что я забыла, как дышать.

— Я позволю, — сказал он. — Но с одним условием.

— Каким?

— Ты перестанешь называть меня «Сергей Владимирович» в выходные. Я устал от этого. Сегодня я просто Серёжа.

Я улыбнулась.

— Хорошо, Серёжа, — сказала я.

Он усмехнулся.

— Ты слишком легко соглашаешься.

— Я всегда легко соглашаюсь, — парировала я. — Пока это не противоречит моим правилам.

— А какие у тебя правила? — спросил он, приподняв бровь.

— Не врать. Не предавать. И всегда заканчивать начатое, — ответила я.

Он смотрел на меня так, будто я сказала что-то важное.

Что-то, что он запомнит.

— Хорошие правила, — сказал он.

— Папа! — Лёшка проснулся и посмотрел на отца. — Играть!

— Мы сейчас пойдём играть, — сказал Сергей. — Давай попросимся со Стешей.

— Нет! — Лёшка вцепился в мою футболку. — Стеша с нами!

— Лешка, — мягко сказал Сергей. — Стеше нужно домой.

— Нет! — заплакал мальчик. — Стеша! Стеша!

Я прижала его к себе.

— Лешка, я приду в понедельник. Хорошо? Я всегда прихожу.

Он посмотрел на меня мокрыми глазами.

— Придёшь?

— Приду, — пообещала я. — Честное слово.

Он протянул мне мизинец. Я скрепила его своим.

— Слово! — сказал он серьёзно.

Я улыбнулась и поцеловала его в макушку.

Когда Лёшка наконец согласился идти с отцом, Сергей встал и посмотрел на меня.

— Спасибо, — сказал он тихо. — За то, что ты есть.

Я растерялась.

— Я просто...

— Просто, — перебил он. — Ты просто есть. И это много.

Он взял Лёшку за руку и пошёл к выходу. Лёшка обернулся и замахал мне рукой.

— Стеша! — крикнул он. — Пока!

Я помахала ему в ответ и улыбнулась.

А Сергей обернулся на секунду и посмотрел на меня. В его мятных глазах было что-то тёплое. Что-то, что он больше не прятал.

Я смотрела им вслед и чувствовала, как внутри разливается тепло.

«Ты просто есть. И это много.»

Я улыбнулась и прошептала в пустоту:

— Ты тоже, Серёжа. Ты тоже.